

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР ЗВИГЛЯНИЧ,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Украина на пороге десятилетия: динамика застоя

Abstract

The author discusses reasons of the lingering poor situation in Ukraine on the threshold of its 10th Independence Anniversary. Useless character of efforts to organize 'technological renaissance' by application of West technologies and foreign historical experiences can be explained by 'semantization' of reality in particular. Therefore the stagnant structures of Ukrainian mentality (deeply rooted in social culture) need to be analyzed thoroughly.

Зачарованность революционизмом

С легкой руки политиков и журналистов эпохи Михаила Горбачева, ассоциирующейся со знаковыми символами “гласности” и “перестройки”, предшествующая эпоха в истории жизни советских людей получила название “застоя” со всеми негативными коннотациями, связываемыми с этим понятием. Печать стагнации, говорил пятнадцать лет назад молодой и энергичный Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев, лежала на всем — на экономике, на социальной жизни, на политике.

Брежневскую экономику обвинили в “экстенсивном” развитии, вовлекающем в сферу производства все новые предметы труда, оставляя без внимания развитие технологий, снижающих энерго- и трудозатраты и повышающих качество продукции. Казалось, что импорт западных технологий и ноу-хау поможет преодолеть заколдованный круг в развитии советской экономики, нацеленной на выполнение плана, а не запросов потребителя.

Слияние без оплодотворения

Однако массовый вброс западного оборудования в советскую экономику во второй половине восьмидесятых годов привел к одному результату: оборудование просто не работало, ржавело и выбрасывалось. Почему? Детальное выяснение причин краха “технологического революционизма” 1980–1990-х годов еще впереди. Здесь же можно высказать одну гипотезу, проливающую свет на причины неудавшейся попытки “перестроить” советскую экономику, казалось бы, наипростейшим способом: привез лучший станок (технологии), включил, получил качественную продукцию.

Оказалось, что западные технологии и оборудование, построенное на них, принципиально не соединимы со схемами и алгоритмами трудовых процессов, на которых зиждилась советская экономика. Например, они оказались несовместимыми с таким кардинальным понятием советского производственного процесса, как “дефицит”.

Вследствие хронического отсутствия в жизни народа всего необходимого “здесь” и “сейчас”, — того, на чем основывались западные технологии и стиль жизни, попытки “технологического ренессанса” осуществлялись по печально известному алгоритму, отчеканенному в виде народной мудрости бывшим премьер-министром уже постгорбачевской России, Виктором Черномырдиным: “Хотели как лучше, а вышло как всегда”.

Выяснилось, что технологии представляют собой концентрат культурных традиций обработки веществ природы, вовлеченных в производственный процесс. Импортируя предметную оболочку западных технологий, борцы с “застоем” упустили из виду, что невозможно одновременно импортировать и социально-культурный контекст, традиции, трудовую этику, накопленные веками в западной культуре и оплодотворяющие собственно материальное воплощение технологий в виде станков, производственных линий и т.п. В постгорбачевскую эпоху было сделано бесчисленное количество попыток “технологического ренессанса” в духе “горбачевизма” прагматизированного, но все же сохранившего свой “революционный” запал борьбы с “застоем” и внедрения “нового”.

Слияние “Запада” и “Востока” произошло, но без оплодотворения, без возникновения взыскуемого “гомункулуса” успеха. В качестве наиболее очевидных примеров можно назвать провал попытки московского мэра Юрия Лужкова наладить на базе столичного автозавода им. Ленинского комсомола производство “лучших автомобилей в Европе”, что было обещано в свое время Горбачевым. Или, скажем, провал широко разрекламированного проекта создания “народного автомобиля” в Украине на Запорожском автомобильном заводе совместно с южнокорейской корпорацией “Daewoo”. Проект рухнул вследствие бесчисленного пересмотра украинской стороной начальных условий контракта, то есть, говоря специальным языком, введения в него вариативных переменных *ad hoc*, вступивших в конфликт с запрограммированной на инвариантность технологической программой.

Очарование зстоя

В результате как российская, так и украинская экономики *de facto* уже давно оставили попытки в той или иной форме воспроизвести романтизм раннегорбачевского “технологического ренессанса”. Завуалированный воз-

врат к стагнационно-застойным схемам добывающей — она же “экстенсивная” — экономике в России окончательно оформился пару лет назад, когда мировые цены на нефть и газ начали повышаться.

В Украине, где нет гидрокарбонатного сырья для экспорта, равно как нет современных видов производства с высокой добавленной стоимостью, от застойных схем, по сути, и не отказывались. Выходец из Днепропетровска и родоначальник “эпохи застоя” Леонид Брежнев, посети он наш мир, был бы приятно удивлен тем, что его дело в Украине живет и побеждает, правда, под несколько другими лозунгами.

Идеологическое прикрытие отхода от национального “революционизма” к застою в сфере экономики в Украине осуществлялось под лозунгами критики “однобокого монетаризма” Международного валютного фонда и ориентации на автохтонную “украинскую модель” экономики, адептом которой выступал премьер-министр Евгений Марчук. Под последней понимали “социально ориентированную рыночную экономику”, работающую на благо народа. Это было в действительности слегка перефразированным определением задач экономического развития СССР, определяемых очередными партийными съездами (добавили лишь слово “рыночная”).

Сутью же всех названных процессов было то, что “технологический ренессанс” раннего горбачевизма породил своеобразный “семантический капитализм” на уровне медийных текстов и символов. Идеологи “перестройки” типа экономиста Гавриила Попова, введшего в оборот культовую фразу “административно-бюрократический социализм” для характеристики “застоя”, что приводило в экстаз экономическую и художественную богему середины восьмидесятых, или вроде юриста Анатолия Собчака, выведшего на политическую орбиту нынешнего президента России, умерли или ушли в социальное небытие. На их место пришли “молодые реформаторы”, культовыми символами которых в России являются Егор Гайдар и Анатолий Чубайс, признанный на Западе как “архитектор приватизации”.

В Украине “слабыми” по сравнению с российскими, но все же “реформаторами” выступали бывшие премьер-министр Виктор Ющенко и бывший первый заместитель премьер-министра Виктор Пинзеник. “Молодые реформаторы”, особенно в России, в совершенстве, которому могут позавидовать их украинские коллеги, овладели мастерством политического менеджмента и PR (“черного” или “белого” — в зависимости от поставленных задач). Из богатого арсенала PR они применяют технологии суггестивного воздействия на общественную психологию с целью внушения населению образа желаемого будущего и достижения политического успеха. Так были выбраны президентами Леонид Кучма в Украине и Владимир Путин в России.

В результате усиленной “семантизации” реальности в этих странах сложился своеобразный алгоритм разрешения социальных проблем. В соответствии с ним последнее трактуют не как устранение причин, вызывающих дискомфортное социальное состояние, а как более “верное” устранение порождаемых этим дискомфортом ассоциаций и символов. Например, реальным решением проблемы Чечни было бы рассмотрение условий предоставления ей большей автономии с участием коренного населения. Вместо этого решение вековой культурной и этнической проблемы переносится в мифологизированную сферу борьбы символов “целостности” России, сбегать которую необходимо любыми средствами, и “исламского фундаментализма”, на таковую посягающего. “Своевременное” устранение символов

исламского фундаментализма представляется как реальное избавление от него в действительности.

“Три мира” символической реальности

В результате складывается своеобразный символический эстетизм “реформ” — броуновское движение “куда-то”, надувание щек власть имущими на бесчисленных пресс-конференциях, то есть карнавальный хеппининг чередования масок-символов, ведущий в никуда, но обладающий для носителей этого символизма огромным значением.

Это — первый мир, мир квазиреформированной “рыночной” экономики, в действительности представляющей собой сферу кланового или олигархического действия. Его алгоритмы не имеют никакого отношения к тому типу экономического развития и “народного капитализма”, который начал складываться на Западе с середины шестидесятых годов. Власть монополий естественным путем ограничивалась посредством функционирования биржи ценных бумаг и развития социальных программ для населения. В России и на Украине после всех пароксизмов “приватизации” рынки акций существуют в зачаточном состоянии, население не имеет понятия о капитале как деньгах, делающих деньги, а лучшим средством успеха считается, как и двести-триста лет назад, наличие связей в правительстве и кумовство. Социальные же программы в обеих странах существуют лишь на бумаге. Например, в России на профилактику СПИДа в текущем году выделено около пяти миллионов долларов, при реальных потребностях минимум в десять раз больше. В Украине расходы государства на финансирование науки едва составляют половину процента валового национального продукта. После экспорта женщин, вторая экспортная категория украинских “гастарбайтеров” — это ученые, получающие на родине в лучшем случае \$40–50 в месяц.

Второй мир — это мир Запада. Он, в силу присущего ему романтизма раннекапиталистического развития, не выветрившегося еще из глубин коллективной психики, с энтузиазмом встретил пришествие Горбачева и нескольких его модифицированных адептов в лице “молодых реформаторов”, знающих кулуары МВФ и Мирового Банка лучше своих карманов. Квинт-эссенцией западного нетерпения, желания поскорее увидеть воплощение своей романтической мечты о капиталистическом “покорении” иных миров — этакой хозяйственно-практической версии “Стартрека” — явились книги шведского историка экономических учений Андерса Аслунда. В своей книге “How Russia Became a Market Economy” (1995) Аслунд увидел в России все признаки развитой экономики Запада, описанные венгерским экономистом Йожефом Корнаи: либерализацию, приватизацию, монетаризацию и т.д. На все это ушло, по Аслунду, три года. То есть, один год российского развития был приравнен к ста годам формирования в Европе естественноисторических предпосылок западной модели экономики. Иная крайность — работы соотечественника Аслунда, профессора экономики университета Упсала, Стефана Хедлунда, для которого в России практически ничего не изменилось по сравнению с советским периодом, а рынка нет и в помине. Впрочем, свое ярчайшее воплощение западный романтизм нашел в персонализации двух тенденций социального развития в Украине и России —

“застоя” и “технологического ренессанса” в образах “коммунистов-коммунистов” (*hard-liners*) от Егора Лигачева до Геннадия Зюганова и “коммунистов-реформаторов” от Горбачева до Ельцина. Пока неясно, куда в этой классификации отнести нынешнего президента России, Владимира Путина. Леонид Кучма, в зависимости от ракурса взгляда, в западной табели о рангах выступает “реформатором”, когда речь идет об экономике, и “мировым врагом прессы”, когда затрагиваются вопросы свободы слова в Украине. Такая неопределенность говорит о том, что рамки “черно-белого” деления постсоветских персонажей на “хороших” и “плохих” парней уже не охватывают всей реальности.

Третий мир — это мир коллективного бессознательного “*homo post-soveticus*” и его архетипы. Эти схемы-каноны целерациональных действий и восприятия мира, формируемые в сфере непосредственного жизненного опыта индивида и коллектива, собственно, и определяют векторы использования западных технологий, о чем говорилось выше. А в сфере политических ориентаций они определяют вектор культурно-семантической идентификации страны по азимуту “Восток — Запад”. По наличию или отсутствию в коллективном бессознательном определенных этносов — специфических устойчивых — инвариантных по отношению к временным параметрам — фигур и образов можно судить о “застойности” или “прогнесе” в их развитии.

Украина: морфология застойного менталитета

“Застой”, таким образом, не рассматривается как нечто негативное и заслуживающее преодоления. Наоборот, для европейских колоний, особенно для Украины, застой является особой формой развития и осмысления трагической истории нации. Застой для таких обществ выступает в форме резервуара социальной памяти, предполагаемого основания социетального действия.

Консерватизм украинцев имеет глубинные социальные и культурные корни. Ожидать от них революционно-реформаторских действий в духе ренессансного активизма, переросшего в предпринимательский этос первых индустриальных революций, — это то же, что требовать от полинезийских племен сходу научиться жизни урбанизированного Запада.

Застойные структуры менталитета украинцев необходимо тщательно исследовать, отбросив в сторону романтически-идеологические экспектации относительно их быстрого перерождения. В качестве объекта исследования следует рассматривать ряд текстов, в которых наиболее очевидны традиционные фигуры и образы менталитета.

Один из таких текстов — выступление Кучмы в ноябре 2000 года на научной конференции под профетическим названием “Украина — XXI столетие”. Говоря о причинах экономического упадка страны за семь лет его правления в качестве премьера и президента, приведшего к сокращению ВВП на 60%, Кучма сказал следующее: “Нельзя не отметить... российский фактор — жесткое официальное и еще в большей степени неофициальное противодействие утверждению и укреплению экономического суверенитета Украины, особенно на старте реформ. В основном такая же позиция сохраняется и сейчас”. Запад также несет ответственность, по мнению Кучмы, за то, что фактически оставил Украину наедине со своими проблемами. Кучма уверен, что финансовый кризис 1997–1998 годов привел к тому, что

финансовые капиталы перекачивались к сильнейшим, а слабые были обескровлены и отброшены назад. Досталось и МВФ — его Кучма обвинил в игнорировании национальных интересов Украины при предоставлении ей кредитов. Образы врагов здесь глобальны — Россия, МВФ, Запад вообще.

Другой текст — это аудиозапись с предполагаемым разговором Кучмы со своими “силовыми” министрами — Кравченко и Деркачом, в процессе которого он якобы заказал им похищение оппозиционного журналиста Георгия Гонгадзе. Запись была обнародована лидером Социалистической партии Украины Александром Морозом. Это — текст “низкого” жанра, с многочисленным употреблением традиционного русского мата. Вообще же наличие подобных неформальных речевых оборотов должно свидетельствовать, с одной стороны, о жизненности представленной версии, так как это истинный язык народа и чиновников, здесь они едины, а с другой — о высоком уровне неформальной близости высоких чиновников. Образы “врагов” в структурах этого текста предельно конкретизированы — это Гонгадзе, оппозиционные парламентарии, газеты.

Третий текст — это обращение Кучмы к нации с ответом на эти обвинения. Текст выдержан в традициях “высокого” жанра. Украину неназванные внешние “силы” подталкивают к анархии, и обвинения в адрес конкретно Кучмы, по его мнению, равнозначны обвинениям в адрес Украины. Кучма явно придерживается принципа “государство — это я”. Кучма не сказал конкретно тех слов, которых от него ждала нация: “Да, я сделал это и готов нести ответственность”, либо “Нет, я не делал этого, это не мой голос”.

Восприятие социальных проблем в Украине, отраженное во всех трех текстах как “высокого”, так и “низкого” жанра идентично. В возникновении проблем (нарушении покоя) виноваты либо анонимные “факторы”, “силы”, “тенденции”, либо конкретные индивиды. Без них состояние покоя (застоя) было бы незабываемым. Решение проблемы — номинация, словесное обозначение анонимных сил (Запад, Россия, МВФ, глобализация и т.п.), или же конкретное устранение специфического врага, определенного в текстах “низкого” жанра: закрытие газеты, похищение нарушителя “покоя”.

Подобный тип менталитета и способ решения общественных проблем присущ так называемым “shame cultures” — “культурам стыда”. В терминах социантропологии, “культура стыда” основывается на внешних санкциях хорошего поведения, тогда как “культура вины” — на интернализированном осуждении порока. “Культура вины” исходит из презумпции внутренней виновности субъекта, собственного несовершенства и несовершенства мира вокруг. “Я” и “мир”, находящиеся в состоянии диалога, совершенствования, — это постоянная открытая проблема.

“Культура стыда”, напротив, базируется на глубоком самодовольстве и убеждении в завершенности мира, в том, что нарушители “покоя” должны быть заклеены позором. Поэтому виноват всегда не я, а другие. Ментальность Украины — это ментальность “культуры стыда”, ментальность, основанная на пустой связи внешних форм, лишенных внутреннего содержания, затрагивающих сферу общественной и индивидуальной морали. Украинский аморализм поэтому выступает не просто случайным нарушением неписаных норм поведения, а есть презумпцией социального действия, его культурной “подкладкой”. В такой культуре возможны любые, самые диковинные сочетания событий и характеров, что и было продемонстрировано последним делом Гонгадзе и реакцией на него со стороны “верхов”.